

№ 149. ДУНАЙ ИВАНОВИЧ

- Во славноём во городи во Кееви
А у ласкового князя у Владимира, —
А ласковой— то князь да стóльнѣ— киеськой
В одну порушку да в одно времячко
5. Завел— то он славной да честный пир,
Открывал— то он честное пированьице,
Пригласил к себи князей да всех бояринов,
А и русьских могучих богатырей.
А вси— то й на перу да угощалиси,
10. А вси— то на перу да разгулялися.
Говорил тут князь да стóльнѣ— кеевьской:
— «Ах ай же удалы дóбры мóлодци,
Вси— то вы тапериче пожѣнены,
Ах княгини— то вси за вас повыданы,
15. Один— то я мóлодец вот холост стал.
Уж вы ездите, удалые молодцики,
Вы по всим странам да вы по всим ордам,
А не знаете ли мни да супротівной?
Чтобы росту— то была она высокого,
20. А станом была да становитая,
Личём— то была она белѣшенька,
У ёй очи были б ясна сокола,
Да брови бы были да чорна соболя,
А собой бы была она смирѣная,
25. Умом бы сверстна да волосом желта,
Волосом желта да голосом жалка!»
Вси молчали князи— боярины,
Вси молчали могучии богатыри.
Вставал тогда сильней Дунай Иванович,
30. Он вставал скоренько на резвы ногы,
Говорил тут князю таковы слова:
— «Ах вы, ласковый князь наш красно солнышко,
Я осмелюси тиби слово вымолвить.
Уж я знал бы теби да супротивную,
35. Только далече— далёко за синим морём,
Во том ли— то во царстви во неверном
У того ли Короля да Лихоимьского
Да и есть— то дочь Опраксия Микулишна.

- Она росту есть да и высокого,
40. Стáном—ы—та й она становítaя,
А совсим смотреть — она красивая!»
Говорил в ответ да князь да стóльнè—киевськой:
— «Ай же ты, сiльнèй Дунай Иванович,
Уж ты, славной наш похвáльнèй добрый мóлодец,
45. Бери—ка ты силушки по—нáдобью,
Ты без счету бери да золоту казну,
Уж ты съезди туда да за синè морè,
Ко тому ли Королю ко Лихоимьському,
А не можешь ли сосватать супротивную?»
50. Отвечал в ответ сiльнèй Дунай Иванович:
— «Ах вы, ласковый князь красно солнышко,
Мне не надо твоей силушки по—нáдобью,
Не без счету не надо золотой казны,
Уж ты дай—ко мне единого похвальщика,
55. Супротив меня могучего богáтыря, —
Уж ты дай—ко мни Добрыню свет Никитича:
У Добрынюшки силушка великая,
У Добрынюшки лошадушка звериная,
У нас сила с Добрыней одинакая!»
60. Говорил тут князь да стóльнè—киевськой:
— «Ах и ай же Добрыня свет Никитинеч,
Поежжай же ты с Дунаём за синè морè.
А не можешь ты сосватать супротивную?»
Садился ко столу да он ко чéстному,
65. Написал—то письмо да запечатывал,
Подавал тогда Дунаюшку Ивановичу,
Говорил при том да таковы слова:
— «Ай же ты, Дунай да свет Иванович,
Как приедите во царство во неверное,
70. Ко тому ли королю да на широкий двор,
Как вы зáйдете к нему да во полатушку,
Как вы явитесь к нему да во высок терём,
Ты подай ему да эту грáматку.
А вели п(ы)ринимать да распечатывать,
75. А читать проси ты да немедленно,
А ответ проси да поскорèшенько.

Отправляйтесь, голубчики, живèшенько!»
Стояли тут оны да на резвых ногáх,

- Становились на грідень на столовую.
80. Кресты— то положили по— писаному,
А поклоны проводили по— ученому,
На вси на три, на четыре на сторонушки
А ко князю ко Владимиру в особину.
Отправлялися с перу да из со чёстного.
85. Выходили со терема высокого,
А с того ли со двора да со широкого,
Заходили на свои дворы широкие,
Не входили в палаты белокаменны,
Не являлись совсим да вот во теремы,
90. Заходили прямо в стойла лошадиныи,
А брали, брали да коний добрых,
Вот уздали— то седлали коней добрых,
Полагали они войлуки— то мягкие,
Да на войлуки седельшки черкальские,
95. А затыгали затыженьки шелковые,
Застегали оны пряжечки злаченя, —
А затыженьки— то тянутся — не сорвутся,
Да пряжечки от дождика не ржавеют.
Они брали— то во ручки плетка шолковы,
100. Садились— то удалы на добрых коней,
Не воротыма поехали широкима.
Скочили через стены городовыи, —
Только видели молодчиков тут сядучи,
Не видали с широких дворов поедучи.
105. А от них пошли поездки богатырьские,
От коней пошли поступки лошадиныи, —
В чистом поле только дым и пыль столбом стоит, —
Отправились далече за синё морё
По путистой широкой дороженьке.
110. Продолжали много времени в дороженьке,
Они съехали, удалы, за синё морё
В тоё— то во царство во неверное,
Ко тому ли Королю да Лихоимьскому.
Подъезжали ко двору тому широкому,
115. Без доклада выезжали на широкий двор.
Не воротами приехали широкима,
А скочили через стену городовую.
Слезали— то молодчики с добрых коней,
Говорит сильней Дунай Иванович:

120. — «Ай же ты, Добрыня свет Никитинеч,
Туды ты пойдешь, да й ли мне итти?»
Говорит — то Добрынюшка Никитинеч:
— «Уж ты сам пойд, Дунай Иванович,
Уж я буду — то по дворику похаживать,
125. Кóней добрых — то буду разваживать.»
Они друг с дружкой да распрощалися, —
Остался — то Добрыня в широкóм дворе,
Отправился Дунай да во полатушку.

592

- Ай без спросу входил да во полатушку,
130. Без долóги — то явился во высок терём.
Ко тому ли Королю Лихоóмьському.
Остановился на гридню на столовую,
Кресты положил да по — писáному,
Поклоны вси провел да по — ученому,
135. Королю Лихоóмьському в осóбину:
— «Уж и здравьствуй, королевское величество!»
Говорит Король да Лихоóмьския:
— «Ты какой земли да ты какой орды?
Да откели да вот прибýл сюда?»
140. Отвечал в ответ Дунай да свет Иванович:
— «Уж я есть — то со города со Кеева,
К вам приехал я от князя от Владымыра,
А извольте принять да письма — гра́матку,
Принимайте письмо да распечатайте,
145. А читайте нашу гра́матку скорёшенько,
А ответ ми пожалуйте немедленно.»
Садился ко столу он ко дубовому,
Распечатывал письмо да он прочитывал,
Прочитывал — то гра́матку да всю с коньця,
150. Говорит своим слугáм верным:
— «Ай же вы, слúги мои да и верныи,
Вы берите ключи да сталёные,
Отмыкайте — ко вы погребы глубокие,
Отпирайте — ко вы ледники холодные,
155. Посадите — тко Дунаюшка Иванова
Не надолго посадите — на тридцеть лет.
Пускай — ко Дунай нагуляется,
Ума — разума набирается, —
Да без доклада не приеде к Королю во двор,

160. А без спросу—то во полатушку,
Без долóгу—то не явится в высок терём!»
В тую пору, в тую времячко
Разгорелось у Дунаюшки сердеченько,
Расходилась у Дуная сила богатырьская, —
165. Взынул как свои да ручки белые
Выше своей—то млáдоей головушки,
Уж он хряснул во столики дубовьи, —
Дубовы столики во щепь прикололися,
А окошечки в стенáх да вси покóсились,
170. А хрустальны стёкольци прикололися,
Дубовы́ верей вси заряжа́йдали.
А король—то за печку затуляется,
Куньей шубонькой король да закрывается,
Говорит своим да слúгам верным:
175. — «Вы берите ключи да золоченые,
Отмыкайте—ко ларци да оковáнья,
А берите там цвётныи платиця,
Облачайте—ко Опраксию Никулишну,
Одевайте, справляйте во замужество.
180. Уздайте, седлайте коня доброго,

593

- Отправляйте вы во Кеев—град
За того ли—то за князя за Владымыра,
А за князя туда да во замужесьво!»
Снаряжали слуги его верные
185. Платья цвётные, пышнонарядныи,
А уздали, седлали кóня доброго,
Полагали оны войлуки мягкие
Ах на седельшко черкáльскойё,
А садили—то кнегиню посажоную,
190. Отправляли ею́ со широка́ двора,
Тут скорешенько—то прощалисе,
А ы горькима слезамы обливалися.
Тут воротыма проехали широкима,
Повезли одну кнегыню посажóную.
195. Выежжали на широкую дороженьку, —
А сустигла их тёмная ноценька,
Со всех сторон тут затёмнило,
Заежжали оны да на зелёнай дуг,
Слезали—то молодчики с добрых коней,

200. Опускали кнегыну посажоную,
Затенули они флаки полотняныи,
(*Не флаги, а флаки!*)
Коротали тут темную ноченьку,
А до белого тут да до светушку,
Поутрушку вставали тут молодцики,
205. Посадили кнегыну да на добра коня,
А самы сели удалы на добрых коней,
Выежжали на широкую дороженьку,
Увидали — по широкой дороженьки,
По дороженьки убина проехала,
210. У лошадушки по щетки ступано.
Говорит сильней Дунай Иванович:
— «Ай же ты, Добрыня свет Никитинич,
Поезжай да ты один да за синё морё,
Ты вези один кнегыну посажоную,
215. Я один поеду теперь во чистое поле,
Знаю, есть — то во чистом поле наездничек,
Ах он ищет себи поединщика.
Либо убина убью да либо сам паду!»
Они друг с дружкой тут распрощались,
220. Оны горькими слезамы обливались,
А отправился Добрыня свет Никитинич,
А один повёз княгыну посажоную.
Отправился Дунай во чистое поле.
Подъезжает ко чистому ко полюшку,
225. Ко тому ли ко широкому раздольицю, —
Увидал Дунаюшка наездника.
А не чер(ы)ной — то ворон в поли пурхае,
А и ездит в чистом поле наездничек,
На добром — то кони по полю поскакивал,
230. А булатною палицей помахивал,
А за облоки палицей захватывал,

Левой — то рукой паличку подхватывал,
В руках паличка была — девяносто пуд.
Увидал как вот наездничек Дунаюшка,
235. А разъехались по чистому по полюшку,
По тому ли по широкому раздольицю.
Они вместе настрету стретались,
У них палицы да вдруг да приломались, —

- Никоторый никоторого смочу не мог.
240. Разгорелось их ретивая сердеченько,
Расходилася сила боһатырьская,
Разъехались по чистому по полюшку,
По тому ли по широкому раздольицю.
Они друг другу настрету стреталисе,
245. А штыки у них да друг о дружку приломалисе, —
Никоторый никоторого смочу не мог.
Разгорелось их ретивая сердеченько,
Расходилася сила боһатырьская,
Разъехались по чистому по полюшку,
250. По тому ли по широкому раздольицю.
Они друг дружку настрету стреталися,
А ще тут — то пошли да на кулачной бой.
Ах и сшиб — то Дунаюшко наездника,
Его сшиб да со добра коня.
255. Спустил — то его да во сыру землю,
Становился ему да на белую грудь.
Выдергал — то со ножней да острейный нож,
А занес — то со плеча, с руки правойей,
Уж он хочет — то пластать груди белые,
260. Уж он хочет вынимать серье с печенью, —
Во плечу тогда рука да застояласи,
Не может он пластать да груди белой.
Говорит Дунаюшко наезднику:
— «Ты какой земли да ты какой орды?»
265. Отвечал Дунаюшку наездничек:
— «Ничего — то у меня ты не спрашивай,
А пластай да груди белые,
Вынимай — ка мое серье с печенью!»
Разгорелось у Дунаюшка сердеченько,
270. Расходилася сила боһатырьская,
А занес опять он острейный нож,
Уж он хочет пластать да груди белыя, —
Во плечу опять рука да застояласи.
Говорит сильней Дунай Иванович:
275. — «Скажи — ко, скажи, поповедай ми,
Ты какой земли, ты какой орды?
Ты какого роду — словия?»
Отвечал Дунаюшку наездничек:
— «Кабы был я у тебе да на белых грудях,

280. Ничего бы совсим да я не спрашивал,
Пластал бы я прямо груди белые,
Вынимал бы у тебе серъце с печенью!»
Разгорелось у Дунаюшки сердеченько,
- Расходилась опять сила богатырьская,
285. Заносил — то с плеча он острейный нож, —
Во плечи опять рука эстояласи.
Говорит тут сільняй Дунай Иванович:
— «А скажи — ко, скажи да мни, пожалуста,
Ты какой земли, ты какой орды?»
290. Ты какого есть да роду — словия?»
Отвечал в ответ Дунаюшке наездничек:
— «Когда много стал ты спрашивать,
Наконець буду я тебе рассказывать.
Уж я есть — то Лизавета Николаевна,
295. Короля дочь да Лихоо́мьського.
Как не знаешь ты великоюй победушки:
А вчерашним божиим да дёнечком
Вот приехали — то русьские богатыри,
Увезли мою — то сёстрицу родимую,
300. Увезли они Опраксию Микулишну,
Они ею́ во полон взяли́,
Во полон може взяли́ да обесчестили!»
Соходил тут Дунай да со белых грудей,
Говорил тут ей да таковы слова:
305. — «Ах и ай же Лизавета Николаевна,
А идёшь ли за меня да во замужесьво?»
Отвечала Лизавета Николаевна:
— «Разве ты да нунько холост есь?»
Вот и брал он ю за белую руку́,
310. Человал во уста ею́ сахарныя,
Посадил — то сам княгню на добра коня,
Да садился сам сільней Дунай Иванович.
Вот поехали за синее за морюшко,
А приехали во славный да во Киев — град.
315. Тут кончался пер у князя у Владимира,
А завелся пер у Дунаюшка Ивановича.
А женился — то Дунай да свет Иванович
На королевны Лизаветы Николаевной.
Стала жить — то Лизавета Николаевна.

320. Говорит — то Лизавета Николаевна:
— «Ай же ты, сільнэй Дунай Иванович,
Ты поди — поди да во чистó полё,
Положи — ка на головушку острейной нож,
А на ножичек колечки золочёныя.
325. Я повыйду на балконы на высокия,
А повыстрелю со стрелочки калёной,
Попаду ль тебе в колечки золоченыя?»
А пошел Дунай да свет Иванович,
Положил — то на головушку острейный нож,
330. Вот на ножичек колечки золочёныя,
Выходила на балконы на высокия.
А повыстрéлила со стрелочки калёной,
Попадала — то в колечки золочёныя.
Говорит сільнэй Дунай Иванович:
335. — «Ты поиди — ко теперь во чистó полё,

Положи — ко на головушку да острейный нож,
На ножичек колечки золочёныя,
Я повыйду на балконы на высокия,
А повыстрелю со стрелочки с калёной,
340. Попаду ль теби в колечки золочёныи.»
Говорила Лизавета Николаевна:
— «Не попасть теби, да ты убьёшь меня,
Потребушь ты моих малых детёнышей, —
У меня — то во чреве да два вьюноша!»
345. Не послушал сільнэй Дунай Иванович,
Послал он Катерину^а Николаевну,
Положил на головушку острейной нож,
На ножичек колечки золочёныи,
Он повыстрелил со стрелочки калёной,
350. Не мог попасть в колечки золочёныи,
А пострелил ею да во белую грудь,
Убил тут свою да молодую жену,
Молодую жену, да любимую семью.
Пришел Дунаюшко в чистó полё,
355. А лежит — то Лизавета Николаевна
Бездыханна да неподвижная.
Выдергáл с ножей да он острейной нож,

^а О г о в о р к а с к а з и т е л ь н и ц ы .

- Распластал— то чрево он да женьское,
Ай увидел два малых вьюноша, —
360. Разгорелось у Дунаюшка сердеченько,
Расходилась вся сила богатырьская,
Поставил тогда острейной нож
Тупым концом во сырú землю,
Вострым концём себе во белу грудь.
365. Говорил при том да таковы слова:
— «Куда падет головушка Дунаева, —
Протеки— ко тут да Дунай— река,
Куда пала головушка Лизаветина, —
Протеки поперек да речка Черная, —
370. А вóдушка с водóй да не мешайся— ко!»